

Румянцева М. Ф.
ДВЕ СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: культурное наследие, историческая наука, социально ориентированное историописание, ренарративизация, метод аналогии, инаковость, культурно-исторический контекст.

Увиденное глазами истории, прошлое – чужая страна; если мы смотрим на него как на наследие, оно вполне знакомо и привычно.

Дэвид Лоуэнталь [3, с. 7]

Без обращения к историческим источникам человек, во многих случаях, не мог бы испытывать на себе благотворного влияния и поддерживать преемство той культуры, в которой он родился и непрерывному развитию которой он служит. Вообще, без постоянного пользования историческими источниками человек не может соучаствовать в полноте культурной жизни человечества.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский [2, т. 2, с. 392]

Выход из ситуации постмодерна характеризуется процессом ренарративизации, принимающим в ситуации постпостмодерна форму борьбы/войны нарративов [см. напр.: 5, с. 187–190 и след.], что делает историческую науку стратегическим фактором существования современного мира и, соответственно, актуализирует проблему целеполагания, способов и результатов освоения культурного наследия – его включенности в те или иные нарративы.

Знаковая работа американского историка-географа Дэвида Лоуэнталя (1923-2018) «Прошлое – чужая страна» (The Past is a Foreign Country), опубликованная в 1985 г. – на переломе постмодерна, посвящена механизмам инкорпорирования культурного наследия в настоящее и, соответственно, его переинтерпретации. В Предисловии к русскому изданию книги, написанному в 2003 г., уже в иной социокультурной ситуации – в начале постпостмодерна, Лоуэнталь несколько трансформирует свою позицию – акцентирует внимание на противопоставлении *наследия* и *истории*: «Легенды о возникновении и длительности, о победах или бедствиях проецируют настоящее на прошлое, а прошлое, в свою очередь, на настоящее. Они ставят нас в один ряд с предками, чьи добродетели мы разделяем и чьи пороки скрываем. Однако подобное сообщество – *еще не собственно история*,

как ее понимают историки. Это наследие. Такое различие имеет решающий характер. История исследует и объясняет прошлое <...> Наследие упрощает и проясняет прошлое [здесь и далее выделено мной – М.Р.], привнося в него современные цели и намерения» [3, с. 7] (эту идею Лоуэнталь развивал уже в книге 1998 г. «The Heritage Crusade and the Spoils of History»). И малоутешительный вывод: «Мы признаем неприкосновенность и святость наследия, хотя *вырываем его из контекста и фальсифицируем его смысл*» [3, с. 8].

На мой взгляд, значимой характеристикой исторического знания в актуальной социокультурной ситуации является разрыв исторической науки и социально ориентированного историописания [подробнее см.: 4]. Казалось бы, это утверждение вполне соответствует приведенному выше тезису Лоуэнталя. Но различие принципиально: если у Лоуэнталя (как и в некоторых других, преимущественно англосаксонских, историков) наследие *«еще не собственно история»*, то я постараюсь показать, что социально ориентированный и научный подходы – две разные, но рядоположенные (вероятно) стратегии освоения наследия. Это и есть основной тезис доклада.

Разрыв научного исторического знания и социально ориентированного историописания имеет глубинные основания в манипуляционном характере социума эпохи постпостмодерна, а методологически обусловлен достигнутым, – усилиями таких ученых как Артур Данто (1924-2013), Поль Вен (р. 1930), Хейден Уайт (1928-2018), Франклин Рудольф Анкерсмит (р. 1945) и других, – исторической наукой консенсусом по вопросу неверифицируемости нарратива. Соответственно, будем исходить из того, что нарратив – это не форма представления научного исторического знания, а самостоятельная репрезентация истории со своим особым целеполаганием.

Несмотря на все философские изыски XX века, диалектическую логику Г.-В.-Ф. Гегеля никто не отменял и мы фактически имеем дело с проявлением закона отрицания отрицания. Если применить интерпретационную схему смены типов рациональности / моделей науки, то в эпоху классической рациональности исторический нарратив воспринимался, по преимуществу, как описание исторической реальности, знание о которой добыто исторической наукой, – знаковым для периода постмодерна является кризис доверия к историческому метарассказу (Ж.-Ф. Лиотар) и своего рода мода на микро(казусную) историю, – процесс ренарративизации в ситуации постпостмодерна возвращает в интеллектуальное пространство нарратив, но уже не как описание, а как самостоятельную репрезентацию исто-

рического наследия. Соответственно, в актуальной социокультурной ситуации освоение культурного (исторического) наследия не может рассматриваться как задача, тождественная описанию истории. Оно обретает самостоятельность в сфере истории социально ориентированной.

Естественно, что и до постпостмодерна наблюдался «зазор» между научным (профессиональным) исторически знанием и общественным/массовым сознанием, и его ликвидация, чаще всего, воспринималась (а некоторыми историками воспринимается до сих пор) как задача (миссия!) носителей научного исторического знания. При этом историки/философы отмечали опасность свойственного историописанию сближения прошлого с настоящим – методом аналогии. Фридрих Ницше, в эссе «О пользе и вреде истории для жизни» (1874), обобщая сложившиеся к последней четверти XIX века способы получения и позиционирования исторического знания, писал о значении монументальной истории: «Если человек, желающий создать нечто великое, вообще нуждается в прошлом, то он овладевает им при помощи монументальной истории...» [6, с. 174] Но при этом: «Монументальная история вводит в заблуждение при помощи аналогий...» [6, с. 172]. Отметим, что аналогия возможна, если мы отделим исторический факт от его контекста (что отмечал уже и Гегель, критикуя прагматическую историю, призванную давать нравоучительные примеры).

Спустя сто с лишним лет (в работе 1984 г.) британский историк Джон А. Тош (р. 1945) обратился к аналогичной проблеме, переводя ее в плоскость сопоставления профессионального научного исторического знания и «заблуждений» массового сознания. «Историческое сознание, в том смысле как его понимают сторонники историзма, – пишет Тош, – основывается на трех принципах. Первый и наиболее фундаментальный из них – это *различие* [здесь и далее выделено автором – М.Р.], то есть признание, что нашу эпоху и все предыдущие разделяет пропасть <...> ... вторым компонентом исторического сознания является *контекст*. Предмет исследования нельзя вырывать из окружающей обстановки – таков основополагающий принцип работы историка <...> Третий фундаментальный аспект исторического сознания – это понимание истории как *процесса*, связи между событиями во времени, что придает им больший смысл, чем их рассмотрение в изоляции» [8, с. 18-20].

Итак, фундаментальный принцип исторического подхода – *принцип различия*, или понимание того, что «прошлое – чужая страна». С этим невозможно не согласиться, но возникает вопрос: как быть с базовым для источникововедения (как минимум, в его феноменологиче-

ской парадигме) принципом «признания чужой одушевленности», работающим на основе аналогии сознания исследователя с чужим сознанием/сознанием автора исторического источника. Важно понять, – особенно критикам А.И. Введенского, философски разработавшего эту проблему [1], – что методолог не предлагает принцип для того, чтобы ему в дальнейшем следовали ученые, а выясняет, как устроено познание (эту мысль подчеркивали разные эпистемологи: от Генриха Риккерта до Ричарда Рорти). И А.И. Введенский (1856-1925), а за ним А.С. Лаппо-Данилевский (1863-1919) показали, каким образом историк воспринимает – Другого. Вслед за этим Лаппо-Данилевский делает второй шаг – показывает, как за счет экспликации контекста выйти за пределы психологической интерпретации продукта культуры/исторического источника. По этому же пути идет и немецкий неокантианец Генрих Риккерт (1863-1936): «Донаучное индивидуализирование часто вырывает свои объекты из окружающей их среды, отграничивая их друг от друга и тем самым *изолируя* [здесь и далее выделено автором – М.Р.] их. Изолированное, однако, никогда не бывает предметом научного интереса <...> История, наоборот, стремится <...> понять все в известной *связи* <...> Историческая связь всякого исторического объекта имеет <...> два измерения, которые можно было бы назвать измерениями широты и долготы, т.е., во-первых, история должна установить отношения, связывающие объект с *окружающей его средой*, и, во-вторых, проследить от начала до конца в их взаимной связи различные стадии, последовательно проходимые объектом, или, иначе говоря, изучить его *развитие*» [7, с. 147].

На этой основе, позволю себе несколько модифицировать приведенное выше построение Дж. Тоша, объединив *экспликацию контекста* и *понимание истории как процесса* в один *принцип контекста*: по горизонтали – коэкзистенциальное пространство культуры (состояние культуры – в терминологии Лаппо-Данилевского) и по вертикали – ее историческое развитие (стадия культуры, по Лаппо-Данилевскому).

Вернемся к ситуации разрыва социально ориентированного знания и знания научного в период постпостмодерна. И одно, и другое призваны способствовать освоению/присвоению культурного/исторического наследия, но механизмы их действия различны: первое исходит из принципа аналогии, позволяя, в частности осваивать прошлое в «монументальных» и нравоучительных целях; второе – исходит из позиции инаковости, требующей экспликации уникального/сингулярного контекста. И здесь мы снова приходим к проблеме нарратива, поскольку в современной исторической науке именно нар-

ратив, по преимуществу, продолжает задавать контекст – обеспечивать целостность восприятия истории. Есть и другой подход к экспликации контекста, предлагаемый Научно-педагогической школой источниковедения, восходящей к наследию Лаппо-Данилевского, – понимание системы видов исторических источников, свойственных той или иной культуре, как экспликацию ее структуры, но этот подход менее распространен.

В предыдущем абзаце я вполне осознанно использую слова «одно–другое», в не «первое–второе», потому что не хочу задавать иерархию. Не до конца понимаю, какая из практик в большей степени отвечает современному состоянию социума: мне ближе позиция инаковости, но боюсь, что в войне нарративов больше шансов на победу у позиции общности и прямой преемственности культурного наследия... В любом случае, профессиональный историк (если он действительно профессионален), выходящий в сферу публичной истории, должен понимать это различие и самоопределяться в этой дилемме.

В настоящем докладе я выделила только один аспект проблемы стратегий освоения культурного наследия, оставив вне поля зрения актуальные и чрезвычайно существенные для понимания этой проблемы вопросы презентизма и исторической памяти. Обозначенную проблему можно интерпретировать через оппозицию истории и памяти (Пьер Нора) или памяти-воспоминания / памяти-повторения (Патрика Хаттона), но это, на мой взгляд, менее продуктивно.

1. Введенский, А. И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики / А. И. Введенский. – СПб. : тип. В. С. Балашева, 1892. – 119 с.
2. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : [в 2 т.] / А. С. Лаппо-Данилевский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 1-2.
3. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 623 с.
4. Маловичко, С. И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева. – Орехово-Зуево : Изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
5. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 479 с.
6. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // Ницше, Ф. Соч. : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 158–230.
7. Риккерт, Г. Философия истории / Г. Риккерт // Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1998. – С. 129–204.
8. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка : пер. с англ. / Дж. Тош. – М. : Весь мир, 2000. – 296 с.